Часть 7. Комсомол, дарвинизм и одноклассники

Осенью 1952 года мне предстояло учиться уже в 8 классе. Многие, вероятно, забыли, что в то время для учащихся 8–10-х классов школ, а также техникумов и училищ действовала плата за обучение, которая составляла от 150 до 200 рублей в год, что, как утверждала статистика того времени, не превышало 5% от семейного бюджета. Обязательным было неполное среднее (семилетнее) образование, а за среднее и высшее надо уже было платить. Учеба в 8-м классе внесла несколько новшеств в жизнь школьников. Во-первых, была отменена обязательная стрижка «под ноль», можно было иметь нормальную причёску, во-вторых, учителя должны были обращаться к нам на «вы» (в скобках отмечу, что далеко не все учителя строго следовали этому правилу), а, в третьих, нас перевели на обучение во вторую смену, которая начиналась в час дня. Из новых предметов появился курс «анатомия человека», завершающий «триаду» по естествознанию – «ботаника-зоология-анатомия».

Но главным предстоящим событием был прием в комсомол. Летом 52-го года мне как раз исполниось 14 лет, так что по возрасту я уже вполне подходил для этого. Совет дружины и старшая пионервожатая Зоя стали нас активно готовить к вступлению в комсомол, к тому же всё это проходило в период подготовки к предстоящему в октябре того же года XIX съезду ВКП(б). Мы должны были хорошо знать Устав комсомола и чуть ли ни наизусть выучить, что такое «демократический централизм».



УСТАВ

ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1950

Устав ВЛКСМ, 1950 г.



Сергей Григорьев, «Приём в комсомол», 1949 г.

Приём был приурочен к 35-й годовщине Октябрьской революции, уже после завершения партийного съезда, на котором выступали гости – руководители компартий из «дружественных» стран. Поэтому нас, первую группу вступающих в ВЛКСМ, обязали знать имена и фамилии всех генсеков этих партий и председателей совминов соцстран. Вы можете сказать: «Что за глупость?». Но было именно так. В анкете вступающих в комсомол имелась графа «Рекомендации». Мне дали рекомендации Совет дружины, что приравнивалось к комсомольцу с большим стажем, и коммунист И.С. Фрейдман, друг отца, о котором я рассказывал в части 19 этих очерков, т.е. всё было очень «солидно». Читатели, возможно, помнят картину советского художника Сергея Григорьева «Приём в комсомол», написанную в 1949 г. в стиле «соцреализма».

На картине изображено заседание комитета комсомола школы, где рассматривается кандидатура школьницы для вступления в ряды ВЛКСМ. Не могу сказать, что эта картина точно передаёт обстоятельства моего приёма, проходившего в кабинете директора школы, но некоторые детали совпадают до удивления: гипсовый бюст Сталина, знамя, диван и даже столы, поставленные буквой Т. Комсомольские билеты нам вручали уже в райкоме ЛКСМУ, там же – и значки. Кстати, комсоргом класса избрали отличника Вадика Хельбина.



Комсомольский значок образца 1945 г.



Якуб Заир-Бек, фотография из комсомольского билета, 1952 г.



Илларион Яковлевич Салтовец, учитель анатомии и основ дарвинизма

Но вернёмся к школьным занятиям. В 8-м классе, как я уже упомянул, у нас был

предмет „Анатомия“, а в 9-м – «Основы дарвинизма». Обе эти дисциплины преподавал печальной памяти Илларион Яковлевич Салтовец. Мы очень не любили его за вредный характер, низкий уровень культуры, даже за внешний вид. Зимой, например, он носил тёплые бурки, фуфайку и больше походил на торговца с харьковского Благбаза, чем на школьного учителя. Однажды перед его уроком кто-то написал на классной доске: „Анатом – деляга в чунях“. Илларион учинил нам подлинный допрос, пытаясь найти автора надписи, но никто его не выдал.

В те годы в агробиологии господствовала „передовая мичуринская наука“, а Илларион был её истовым пропагандистом. Так, на волне борьбы с генетикой, этой «реакционной буржуазной лженаукой», наш учитель промывал нам, пацанам, мозги, громя не только Грегора Менделя, но и Августа Вейсмана с Томасом Морганом, тем более, что их фамилии были для него сплошь подозрительными. В связи с этим вспоминается чудесный роман Дудинцева «Белые одежды» и, в частности, эпизод, как уволенный старик-генетик спасал портрет основоположника генетики Менделя от гебешников. Илларион Яковлевич был, ко всему, антисемитом, большое количество евреев в нашем классе его явно раздражало, и он, как мог, им пакостил. Например, мог поставить за плохой ответ «единицу», объясняя это так: на «двойку» надо что-то знать. Хотя сам он был не очень грамотным, например, писал название своего предмета так: «основы дарвЕнизма». Забегая немного вперед, скажу, что в 1955 году, после ухода Семена Похно с должности директора, его преемником стал именно Илларион Салтовец.

Как я уже коротко упоминал, с 8-го класса нашим классным руководителем стал Иосиф Маркович Локшин по прозвищу „Йося-большой“ (в отличие от нашего одноклассника „Йоськи-маленького“ – Витальки Иоселева). Локшин преподавал у нас физику и астрономию. Как классный руководитель, в конце каждой четверти он должен был заполнять табели и четвертные ведомости. Для этой цели он приглашал себе помощников, которыми постоянно были Валера Фрумин, Вадик Хельбин и я. Он нам диктовал со страниц классного журнала (по предметам), а мы заполняли: Валера – табели своим красивым почерком, а я и Вадик – ведомости. Так продолжалось три года (с 8-го по 10-й классы). Каких-либо недоразумений там никогда не было. Единственной, как теперь говорят, „фишкой“ было то, что Вадик почти всегда был простужен со всеми вытекающими (в прямом и переносном смыслах) отсюда последствиями. Поэтому в начале работы Иосиф Маркович всегда спрашивал: „Хельбин! У вас есть носовик?“ Именно так: „носовик“, а не носовой платок. Кстати, Вадик на самом деле – совсем не Вадим, а Владимир Аврумович. Он, блестяще владея английским, хотел уехать в Штаты ещё в 60-е годы, но родители-коммунисты его не отпускали. Он уговорил их только к 1978 году. Вскоре по приезде в Америку умерла его мама, а затем и отец. В начале 90-х Вадик приезжал в Харьков, гостил и у меня с женой.



Иосиф Маркович Локшин, наш классный руководитель

Правда, теперь он уже был не Вадим и даже не Владимир Хельбин, а Вальдемар Хельбен, так было написано в его американском паспорте. Его было трудно узнать: толстый, самодовольный, прижимистый, смотревший на нас, нищих „совков“, свысока, с полупрезрением. Совсем не тот худенький еврейский юноша, который приводил ко мне домой на „смотрины“ своих девушек. Ходили о нём разные легенды в институте «Южгипрошахт», где он работал руководителем группы в сантехническом отделе, да и он сам был хорошим рассказчиком. Этого у него отнять нельзя. Между прочим, его следы после поездки в Харьков затерялись. Говорили, что якобы в Штатах он больше не живёт, возможно, эмигрировал в Израиль, где у него были родственники.



Валера Фрумин, Вадик Хельбин, Якуб Заир-Бек и И.М. Локшин на воскреснике, 1954 г.

Наша „великолепная четвёрка“ – Фрумин, Хельбин, я и Иосиф Маркович – оказалась запечатлённой неизвестным фотохудожником не во время творческого процесса по заполнению табелей, а на Журавлёвских склонах в Харькове во время очередного воскресника по их озеленению. На заднем плане снимка, с лопатой наперевес, улыбается Юра Кац.

После окончания школы мы с Валерой Фруминым постоянно встречались, т.к. он некоторое время продолжал жить в нашем доме на улице Гиршмана, в квартире под

нами, а потом куда-то съехал. Отец Валеры, д-р медицинских наук, профессор, директор Харьковского института уха-горла-носа Лев Лазаревич Фрумин, умер в 1956 году. Вскоре после смерти мужа мама Валеры, профессор Эвелина Давидовна Бромберг, вместе со Стоматологическим институтом, где она работала завкафедрой гистологии, переехала в Полтаву, в которую перевели институт. А в их пятикомнатной квартире ещё несколько лет жила сестра Валеры – музыковед Ирма со своим вторым мужем, лучшим харьковским детским невропатологом Вячеславом Золотовицким, а также с сыном и дочерью. К сожалению, Валера вместе с другими нашими «сердцеедами» и красавцами – Тагамликом, Красуцким, Сухоцким и др. был также замешан в краже книг у знакомых девушек. Эту очень неприглядную историю тогда, в 1954-м, удалось как-то замять без особой огласки, но „червоточинка“, видно, у Валеры всё же была. Например, как-то он, будучи уже студентом ХПИ, зная, что после смерти моего отца мы с матерью очень нуждаемся, и я решил, чтобы как-то свести концы с концами, продать свою неплохую коллекцию марок, привёл ко мне „по-соседски“ своего приятеля, который якобы хотел купить эти марки. Короче, они меня, выражаясь современным сленгом, просто „кинули“: марки забрали, а денег так и не заплатили, хотя дали расписку, что заплатят позже, и даже отдали в залог студенческий билет этого Денисова (по кличке „Дэн“). На расписке была и подпись Валеры, как свидетеля. Формально мошенником оказался Дэн, но и Фрумин был замаран как наводчик. Такая, ещё одна, неприглядная история. Валера потом меня „обходил“ стороной. Как сказано у Шолохова, „чует кошка чью мясу съела“… Ну, вот, опять я в бочку мёда влил свою ложку дёгтя. Но из песни слов не выкинешь. Справедливости ради всё же добавлю, что до самого отъезда в Израиль, Валерий работал доцентом, а потом и завкафедрой в УЗПИ, и, по отзывам его студентов, был неплохим преподавателем. Наша школа!



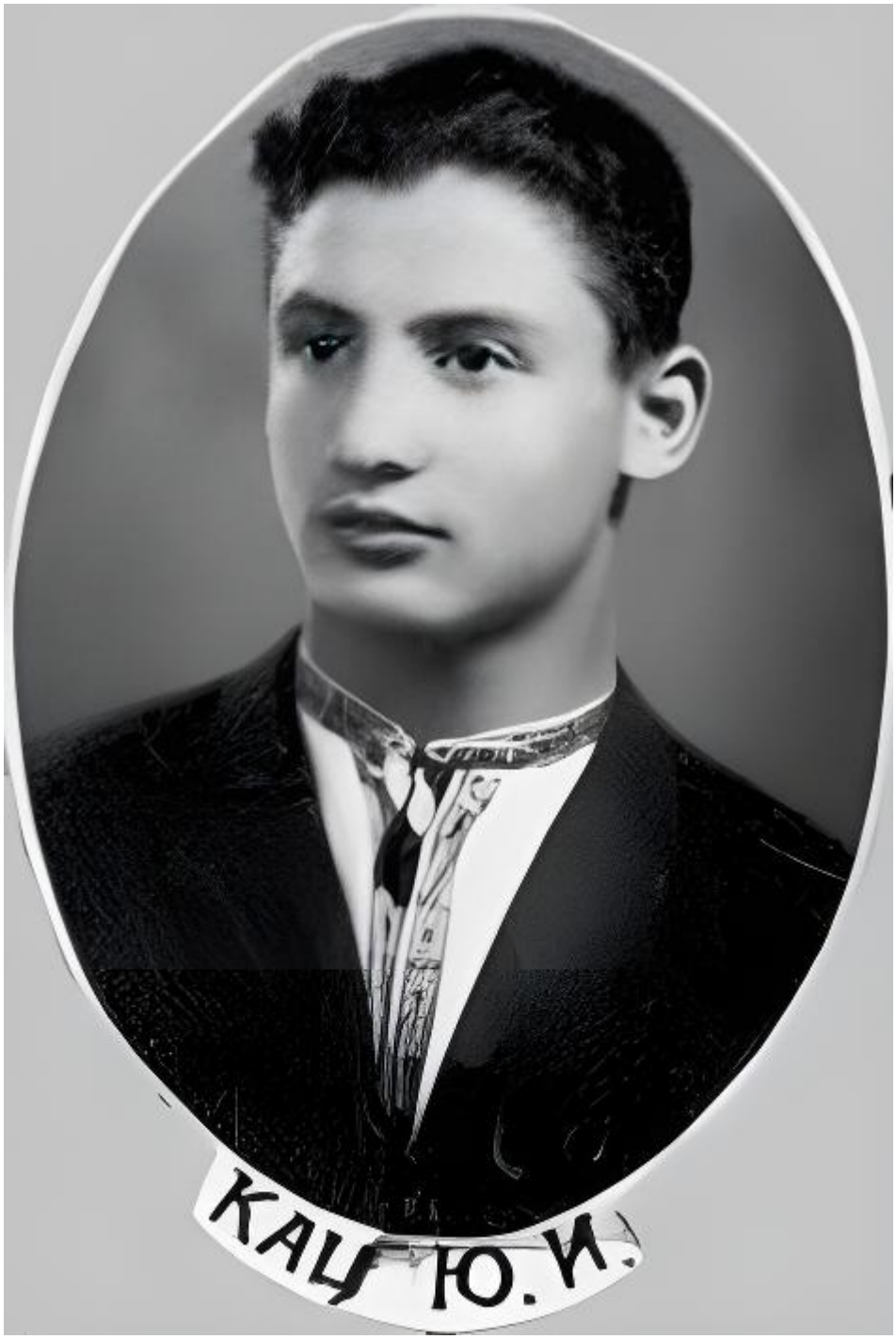
Валерий Фрумин, снимок 1955 г.



Валерий Фрумин, Тель-Авив, Израиль, 2010 г.

С Валерой мы позже нашли друг друга через известную социальную сеть „Одноклассники.ру“, и он уже несколько раз обещал мне что-то написать или позвонить. И я уже давно жду от него сообщений, но ему, видно, не до одноклассников. Зачем, правда, тогда он зарегистрировался на сайте?

Окончив школу, поступил на геолого-географический факультет Харьковского университета наш отличник Юра Кац. Как я уже рассказывал, увлечение геологией было у него с детства. Вообще Юра – человек неординарный, умница, прекрасный художник, увлекался спортом. Виделись мы с ним после школы очень редко, он много ездил по стране, работал в геологических партиях, вёл научную работу, защитил диссертацию. Только в конце 70-х гг. он осел в Харькове, был преподавателем в Университете, а потом эмигрировал в Израиль. Незадолго до моего отъезда в Германию до меня дошёл слух, что Юра там умер. К счастью, это оказалось не так! Как-то я наткнулся в Интернете на заметки живущего в Израиле бывшего харьковчанина, который собирает сведения о евреях из Харькова, успешно работающих в Израиле. Он писал, что на встрече харьковчан в Хайфе он встретился с доктором Юрием Кацем, геологом и палеонтологом, который уже много лет занимается палеонтологией в Тель-Авивском университете. А немного позже мы с Юрой нашли друг друга, с помощью той же социальной сети „Одноклассники“. Он жив, здоров, бодр и, несмотря на свой солидный возраст, в прекрасной физической форме. Живёт в Тель-Авиве, уже на пенсии, но продолжает работать, занимается наукой, молодец! Нашим разговорам типа „А помнишь ли?“ не было конца… К сожалению, через некоторое время наши контакты сошли на нет…



Юрий Кац, снимок 1955 г.

*****

Автор: Якуб Заир-Бек
фотографии из личного архива автора
(продолжение следует)

Все части цикла очерков „По волнам моей памяти…“